

Лидия ШАМШЕВА

п. Пяозерский

Лоухского района,

Республика Карелия

рассказ

Лёгкий июньский ветер играл над городом белыми облаками, а вчера к ночи случилась первая гроза. Она была самой настоящей, как и положено в это время года: гроыхал гром, сверкали молнии, а потом на землю обрушился поток воды. Ливень настолько сильный, что через дорогу не было видно соседних домов. Потом налетел шквал ветра и разогнал грозовые тучи, разорвав их в клочья. На короткое время появилось солнце, уходящее за горизонт.

Утром жители окраины подсчитывали нанесённый грозой ущерб. У кого ветром сорвало крышу сарая, у кого — с верёвок сушившееся бельё или половички, но печальней всего было видеть поваленную старую берёзу, верхушка которой перегородила дорогу.

Берёза эта не относилась ни к одной усадьбе, а стояла на пригорке и была видна практически отовсюду. Она выдержала войну — на стволе сквозь кору просматривались шрамы от осколков, — выжила, затянув раны. А метрах в двадцати от неё осталась воронка от бомбы, долго потом там застаивалась вода, образуя целый небольшой водоём. В городе рассказывали, что тогда фашисты с самолётов бомбили железнодорожный мост, но не попали.

Жалко поваленную берёзу. В последние годы на ней свили гнездо вороны, а до этого кто только ни жил: на разном уровне к стволу были приделаны скворечники, дуплянки. Но, видать, вороны одержали верх над другими обитателями, и птичьи домики опустели. Отвоевав берёзу, вороны угомонились, вели себя согласно своему природному статусу. Шумно было лишь весной, когда вороньи пары отстаивали своё право на это гнездовье супротив других сородичей: как-никак решался квартирный вопрос. Победитель откладывал в гнездо яйца, потом там появлялись птенцы. Именно в это время наступала полная идиллия — тишь да гладь, божья благодать. А теперь берёзы нет.

Первый месяц лета выдался солнечным, тёплым. Начальную школу уже отпустили на каникулы, и, пока родители на работе, внучки-погодки Лена и Оля оставались под опекой бабы Ани.

Утром, выйдя во двор, бабушка увидела, что всё вокруг умыто дождём: блестит, светится яркими красками и густая трава, и желтые одуван-

чики, и кусты сирени в саду. А воздух такой свежий и чистый после грозы — дышится легко! Баба Аня уже успела переделать много дел, пока девочки спали: сходила за водой, покормила всю домашнюю живность, приготовила завтрак, но будить внушек не стала — пожалела. Накануне они уснули поздно — так грозы пугались.

Бездействие бабушку всегда тяготило. Чтобы себя занять, пока внушки спят, взяла корзиночку с вязанием и села на скамейку возле крыльца, но одиночество её было недолгим.

— Доброе утро, бабушка! — в один голос закричали девочки. — Мы проснулись! Что будем кушать? А что ты вяжешь? — Две детские фигурки в ночных сорочках прыгали за перилами высокого крыльца, наперебой задавая вопросы.

— Ага, наконец-то проснулись, сороки-белобоки! А ну-ка марш одеваться, умываться! Я сейчас вас в порядок приведу! — стараясь казаться строже, ответила баба Аня.

Накормив Лену и Олю завтраком, она заплела им косички и отпустила погулять до обеда, предупредив, чтобы друг от друга не убежали и не уходили далеко от дома.

Выбежав за калитку, сестрёнки заметили непривычную картину. На пригорке не было старой берёзы: она лежала на земле, уже отодвинутая с дороги, и рядом работали люди. Девочки подошли поближе. Двое мужчин распиливали ствол, третий — топором рубил сучья, а женщины собирали ветки охапками и грузили в кузов машины. Поодаль, рядом с картофельными грядками, лежало раздавленное воронье гнездо. Ни птенцов, ни взрослых птиц поблизости не было.

Девочки переглянулись и побежали за помощью, без слов было ясно — надо искать птенцов! Вызвали на улицу самых надёжных, проверенных друзей. Толпа ребятшек долго стояла в стороне, пока работали взрослые. Ребята делали вид, что наблюдают из любопытства. На самом-то деле не так: просто нельзя было лезть на глазах у взрослых в картофельные грядки — за это попадёт. Наконец рабочие погрузились в машину и уехали — значит, можно начать поиски.

Картофельные кусты уже успели подрасти, но еще не цвели. Огород был большим, просто необъятным! Пришлось ребятам разбиться на пары. После ночного дождя земля, местами глинистая, вязкая, стала скользкой, поэтому ноги

буквально утопали в междурядьях, а сандалии от грязи было невозможно узнать.

— Эт-то что ещё такое? Кто вам разрешил тут играть? Места вам, что ли, мало? — грозный окрик с дороги заставил ребят дать стрекача.

Бежали, только пятки сверкали да налипшие комья глины и земли вместе с брызгами разлетались из-под ног. Собрались на полянке за высокой поленницей дров. Отдышались, оглядели друг друга и расхохотались. Вот умора! Девочки нарвали лопухов, стали вытирать лица, руки, стряхивать грязь с сарафанов, а мальчишки решили — само высохнет и отвалится, поэтому не сутились.

— Вот я вас и догнал, мурзилки! — из-за поленницы вышел дед Василий, в его голосе уже не слышалось угрозы. — Что же вы искали в огороде, пострелята, а? Картофельное поле утрамбовали! Сами перемазались как черти, а то, что искали, не нашли, ведь так?

Ребята дружно закивали головами. В округе знали деда Василия, уважали его, любили, а кое-кто всё же и побаивался. Дед был стар, мудр и справедлив, никого зазря не обижал. Когда-то на войне он был тяжело ранен осколком в ногу, поэтому хромал и ходил с клюшкой. Жил он в доме на соседней улице вдвоём с женой. Девтора часто бывала у деда Василия во дворе, где специально для них он смастерил качели, а его бабка порой угощала ребят ягодами да стряпней.

— Дедушка, а откуда ты узнал, будто мы что-то ищем? — первым нашелся что спросить Санька, сосед Лены и Оли.

Дед обвёл всю перепачканную команду весёлым взглядом:

— Вы что, думаете, я вчера родился? Видал, как вы топчетесь у берёзы. Понятно, что гнездо потеряли, ведь так? Пошел домой и принёс вам. Вот... — с этими словами он прислонил клюку к поленнице и, сняв с плеча холщовую сумку, достал из неё обувную коробку.

Ребята вытянули шеи, и дед открыл крышку, в которой по периметру были проколоты дырочки. На дне коробки, на цветастой тряпочке, приоткрыв клюв, сидел птенец. Вид у него был почти такой же, как у самих ребят: от грязи пух и молодые пёрышки прилипли к дрожащему тельцу.

— Ура-а-а! Дедушка, да мы же птенцов ис-

кали! — все заговорили разом, загалдели — не остановить.

— А ну цыц, кому говорю! Тихо себя ведите! Доведёте птенца до смерти своим криком! Он и так настрадался, ему покой нужен да уход! — строго сказал дед и замолчал, прижав коробку к груди. Молча разглядывал ребят, будто прикидывая, кому можно доверить находку. — Вот вы мне скажите, а правильно ли будет отдать птенца на воспитание тому, кто организовал поиски? Я думаю, что правильно. Но только и ему нужна будет помощь всех вас — выкормить птенца непросто!

— Дедушка, вот они нас позвали птенца искать, — сказал чумазый Санька и указал рукой на сестёр. — Давайте им отдадим воронёнка!

— Ну что ж, я возражать не стану, берегите птенчика, воспитывайте, — с этим напутствием он передал коробку в руки девочек.

Ребята наперебой его поблагодарили и всей ватагой побежали по направлению к жилым домам. Дед остался на поляне, стоял, опёршись на клюку, смотрел им вслед и улыбался про себя.

У крайнего дома остановились. Немного посоветовавшись, ребята решили, что Лене и Оле лучше идти домой с птенцом одним: понадеялись, что так легче будет уговорить бабушку, а если уговорят бабу Аню, то родителей — и по-давно! Дети разошлись по своим домам, и сестры тоже.

Недолго постояв перед калиткой, прежде чем войти, договорились меж собой, что до обеда не скажут, — лучше потом, когда поедят и баба Аня будет добрее. Когда бабушка спустилась с крыльца и пошла в курятник, чтобы покормить цыплят, девочки юркнули в дом — надо было привести себя в порядок после приключений на картофельном поле и спрятать коробку. Сначала хотели засунуть её под кровать, но вспомнили про Муську, их кошку. Решили положить в шкаф — там надёжней.

Умывались тщательно, в четыре руки, передавая друг другу мыло, и даже вытерлись в оба конца полотенца. Видела бы это бабушка — вот удивилась бы! Переоделись с особым старанием и аккуратностью.

Когда баба Аня вошла в кухню, внучки чинно сидели за столом, на котором уже были расставлены тарелки, а на салфетке лежали неровные ломти хлеба, нарезанные неумелыми руками.

— Девчонки, ну-ка признавайтесь, что натворили? — бабушку насторожила та метаморфоза, что произошла с внучками.

Те молчали. Поели, собрали посуду и попросили:

— Бабушка, налей горячей воды, мы тебе посуду помоём! Да не волнуйся, мы справимся, даже вытрем её!

Тут терпение бабы Ани иссякло, она увела внучек в гостиную и приступила к допросу с пристрастием. Девочки снова молчали, только на ушко друг с другом перешептывались. Было件нятно, что тянуть больше нельзя, ведь птенца спасать надо. Эх, будь что будет!

— Бабушка, а ты нас любишь? — издалека начала младшая Леночка, а у самой глаза на мокром месте.

— Что за вопрос? — всплеснула руками бабушка. — Конечно, люблю. Очень люблю! Говорите же наконец, что произошло! Ну, не бойтесь!

Сёстры посмотрели друг на друга, Оля кивнула головой — тогда Лена побежала за коробкой. Секрет был раскрыт. Баба Аня вздохнула с облегчением — и внучки тоже. Выходит, обошлось.

После обеда они вместе с бабушкой занимались благоустройством места обитания птенца. Надо было продумать всё: как и чем кормить, поить, как защитить от кошки и многое другое.

Откуда-то из закровов баба Аня вытащила коробку от пылесоса. Её положили на бок, а с торца надрезали половину стенки и основательно заклеили рёбра, для надёжности замотав вокруг верёвкой. Другую половину, что осталась открытой, затянули капроновым тюлем. Теперь можно было класть в домик корм, ставить воду и прибираться внутри.

Прежде чем заселять жильца, решили сделать санитарную обработку. Налили в тазик чуть тёплой воды и добавили туда несколько крупинок марганцовки. Очень осторожно помыли, а когда бабушка обернула полотенцем мокрое тельце, птенчик извернулся и клювом ущипнул её за палец.

— Всё, жить будет, раз есть силы защищаться! — подытожила баба Аня. — Ну и устала я с вами возиться! Погодите, что ещё скажут родители!.. Кормить будете — найдите подход! — сказала она, посадила воронёнка в домик и ушла к соседке.

Пока сестрёнки совещались, как птенца по-

кормить и главное — чем, на крыльце слышались шаги. Открылась дверь, и в проёме показалась голова Саньки. Оказывается, ребята после обеда тоже не сидели сложа руки. Они накопили червей, поймали мух, бабочек и несколько жуков — это всё было разложено по маленьким аптечным пузырькам и коробкам, которые Санёк принёс в карманах.

Ребята заглянули в птичью квартиру и увидели, что воронёнок сидит в углу и тарашит на них чёрные глазёнки. Он успел обсохнуть, его чистые пёрышки распушились, и от этого он стал казаться крупнее.

— Кры! Кры! — раздался крик.

— Это он ест просит, давайте его покормим!

— Санька посмотрел на сестёр.

— Ворона же клювом кормит, а где у нас клюв? — сказала Оля.

Ребята растерялись. Что делать? Надо что-то придумать! Попытались дать червя с руки — птенец не берёт. Постучали деревянной палочкой и накололи на острый конец жука — тот же результат.

— А бабушка сказала, чтобы мы нашли подход, — вспомнила Лена. — Я думаю, надо говорить, как ворона: «Кар-кар»! Надо каркать!

И все закаркали на разные лады. Воронёнок с интересом прислушивался к этому трио.

— Он же ребёнок, маленький ребёнок — ему молоко нужно! — перебив всю эту «музыку», предположила Оля.

— Давайте сюда блюдце с молоком и черный хлеб, — подхватил Санёк, — а еще пинцет — он на клюв похож!

Девчонки со всех ног бросились выполнять просьбу.

Когда баба Аня вернулась в дом, то обнаружила, что на кухне каркают все: обе внучки, соседский мальчик и воронёнок, который, проглатывая очередную порцию еды, смешно приседал на хвост и распускал в стороны свои куцые крылышки, словно делал реверанс.

Первым с работы вернулся отец, он сразу заметил большую коробку, стоящую на табурете в кухне.

— Э, да у нас новый жилец! И кто же это? Сейчас посмотрим, — отец присел на корточках, заглянул внутрь и рассмеялся: — Да это же воронёнок, почти слётыш! Где ж вы его по-

добрали? Он же умрёт без мамки с голоду!

— А вот и не умрёт, не умрёт! Мы его уже кормили. Знаешь, как он ест, будь здоров! — сестры прыгали рядом с коробкой и наперебой рассказывали отцу, как всё случилось.

— Да они тут с Санькой такой птичий концерт устроили! Все трое накаркались до хрипоты! Пусть занимаются, всё ж дело! Да и ответственность как-никак за птенчика, — сказала зятю баба Аня в защиту ребячьей затеи.

Отец только махнул рукой: мол, ему не жалко. Мама, оказалось, тоже не была против, однако строго предупредила: сами принесли — сами и ухаживайте. Ещё она предложила дать птице имя.

Прошло несколько дней. Все в доме успели привыкнуть к присутствию нового жильца. Во дворе ребята обсуждали будущее имя, а точнее кличку для воронёнка. Вариантов имён было много, но все отвергались — согласия не было.

Но однажды по телевизору показывали черно-белую кинохронику, где с экрана улыбался и смешно передвигался герой немого кино — знаменитый артист Чарли Чаплин.

— А давайте назовём птицу Чарли, ведь это имя можно произносить по-разному: Чарлик, Чарлуша! — предложила мама.

Имя понравилось — ребята разом согласились.

Хлопот с Чарли было предостаточно. Хочешь не хочешь — вставать утром приходилось очень рано, потому что птенец требовал внимания. Его надо было часто кормить, чистить подстилку, разговаривать с ним на его вороньем языке.

В коробке Чарли прожил недолго. Нет, он не умер. Видимо, в протест тому, что из его нового «гнезда» совершенно нет обзора, Чарли стал потихоньку клевать коробку. Стало ясно, что нужна клетка.

На помощь пришел отец. В сарае он нашел старое днище от кадушки, а вместо железных прутьев нарезал длинных ивовых веток. На изготовление клетки отец потратил выходной день, пожертвовал даже любимой рыбалкой. В клетке появилась жердочка, а дверца поднималась и опускалась. Лена и Оля были в восторге от этого «архитектурного» чуда!

В своём новом жилище птенец быстро освоился. Сёстры стали каждый день выносить во-

воронёнка в клетке на свежий воздух — пусть привыкает.

А Чарли рос стремительно, как на дрожжах. Перья отросли, клюв вытянулся и окреп — это испытал на себе каждый, кто пытался дотронуться до воронёнка. Чарли быстро выучил своё имя и каркал в ответ, поворачивая голову, если его звали.

Первые попытки взлететь он предпринял ещё в доме. Хорошо еще, что этого не видели взрослые! То ли по неопытности, то ли от страха Чарли разбил один из многочисленных цветочных горшков на подоконнике, а потом угодил в ведро с водой, которое бабушка забыла закрыть крышкой. Оля обтирала Чарли, затем тряпкой собирала воду с пола, а Лена — землю на совок, заодно остатки цветка, черепки.

Сёстры решили, что учить Чарли летать надо с какой-нибудь высоты: лучше, чем чердак, и не придумать. Договорились, что одна будет с ним наверху, а другая — на улице, на лужайке возле крыльца. Оля посадила птицу на подоконник открытого чердачного окна, но подтолкнуть не решилась. Затем девочка спустилась вниз. У крыльца сестры стали звать его к себе, а он не летел и всё тут! Чарли уцепился когтями за самый край подоконника, хлопал крыльями. Тогда девочки стали прыгать и махать руками, да при этом ещё каркать — вот картина!

На крики прибежал Санька. Увидав, что наука птице не впрок, предложил приманить кусочками еды. И это сработало! Это был первый свободный полёт птенца, зато какой!.. Так «летали», наверно, подбитые во время войны «мессершмитты»! То вверх, то вниз, то кубарем. Но лиха беда — начало. Уже через два дня смыслённая птица летала так, что теперь ребята стали опасаться, как бы она не улетела совсем.

Во дворе Чарли совсем освоился и перестал опасаться и кур, и кошек, и собаку на привязи. Один забавный случай произошел, когда девочки впервые принесли клетку с Чарли к Саньке во двор, где жил пёс. Выпустили воронёнка, а тот сразу выпорхнул, чтобы познакомиться с окружением. Задремавшая собака в это время лежала возле будки, конечно, не ожидая наглости от какой-то вороны. А Чарли сел на край собачьей миски и стал разглядывать её содержимое. Нервы у пса сдали, он

вскочил, невзирая на свой почтенный возраст, но даже залаять не успел: лишь только над Чарли нависла фигура пса, он завалился на спину, вытянув вверх свои длинные лапки и подогнув коготки. «Всё, я умер от страха. И зачем я тебе дохлый нужен?» — говорил воронёнок всем своим видом. Пёс склонился над несчастным, обнюхал и отошел в сторону. Цирк шапито отдыхает!

Позже отец рассказал дочкам, что так делают слабые животные перед теми, кто сильнее. А откуда это могла знать птица — вопрос. Позднее, залетая в соседский двор, Чарли уже по-хозяйски усаживался возле собаки. Он вытворял что ему в голову взбредёт: залезал в будку, садился верхом на собачью спину, трепал легонько, будто играя, — пёс терпел. И правда, что с этого клоуна возьмёшь?

Чарли нравилось контролировать кур и подросших цыплят. В такой компании он вёл себя как курица, то есть передвигался по земле, не взлетая. Особенно нравилось вороне вечерами вместе с бабушкой загонять их в курятник. Подражая бабе Ане, Чарли забегал с разных сторон, махал крыльями и при этом громко каркал. Старался не бескорыстно: бабушка часто угощала его свежим яйцом. Один петух люто возненавидел Чарли, но куда ему с его куриными мозгами козни строить! Поэтому вынашивал месть, сидя в кустах в засаде.

Отношения с кошкой Мусей у Чарли были никакие — каждый сам по себе. Муся как-то проявила интерес к воронёнку, сунув мордочку в клетку, но получила такой удар клювом по носу, что потом несколько дней свою царापину лапкой намывливала. Отомстила не сразу. Незаметно подкралась к птице со спины, просунула лапу меж прутьев и вцепилась в хвост. Чарли подпрыгнул в клетке, а в когтях у кошки остались два пёрышка. Ох, и досталось тогда Муське от бабы Ани! С тех пор кошка и ворона держали нейтралитет, точнее, делали вид, что друг другу они неинтересны.

Всё больше Чарли обретал свободу — почти целый день он проводил на улице, но уже без клетки. Возвращался в нее лишь на ночь. Отец сделал для воронёнка насест, прибив рейку над крыльцом. Чарли эта затея очень понравилась. Теперь он мог со своего насеста обозревать весь двор.

Незнакомые люди, проходя мимо дома, иногда с любопытством спрашивали: что, мол, за диковина такая. И им отвечали — это такой попугай. Хочешь — верь, а хочешь — нет!

Особенно нравилось Чарли встречать с работы родителей Лены и Оли, потому что от них ему иногда перепадало вкусненькое. Если отец сидел на скамейку, то Чарли пристраивался сбоку и теребил карман: доставай, мол, скорей угощенье. Шкурки от колбасы или сала, корочки хлеба или сухарики — Чарли всему рад. Сухарики он приловчился размачивать в миске с водой. Топтался рядом и ждал, пока они размякнут, остальное угощение припрятывал. Найдёт ямку, положит на дно, а потом клювом траву примнёт с краёв, да ещё листочков сверху положит. Чем не клад? Но, наивный и доверчивый, он не догадывался о кошачьем коварстве. Муська быстро, как минёр, определяла все вороны заначки и с аппетитом подедала их. Однажды Чарли увидел этот грабёж и, как коршун, налетел на кошку сверху, пытаясь отобрать, но та ловко увернулась. Он подскочил сзади, схватил её за хвост и потянул. Кошка замыкала, выпустила добычу.

Ворона есть ворона. Вскоре домашние стали замечать пропажу разных мелочей: заколки, булавки, пробки, чайные ложки и прочее. Сначала не придавали этому значения, но, когда исчезла мамина брошь, стало ясно: в деле замешана ворона. Оказалось, Чарли ловко попадал в дом через форточку на кухне — только на ней не было москитной сетки. Пришлось принимать меры. Но ведь Чарли не со зла — это природа. Так повелось, что ворон привлекает всё яркое, блестящее. Закрыли форточку марлей, а дома произвели ревизию и навели порядок, убрав все мелкие вещицы с глаз долой. Вскоре все пропажи обнаружили. Отец полез на чердак и отыскал за печной трубой потерянные вещи в целостности и сохранности. Кое-что забрал, что-то оставил Чарли, решив, что эти безделицы нужнее птице. Чердачное окно закрывать не стал — пусть летает где хочется.

Чарли полюбил сопровождать ребят повсюду. Где только не побывали за лето! Правда, им далеко от дома уходить не разрешалось, разве что в другие дворы, на колонку за водой, в магазин и на озеро — и везде с ними был их пернатый друг. Если детвора играла на улице в

лапту или в прятки, то Чарли сидел тут же на дереве и наблюдал за происходящим.

Никто не знает, в какой момент он стал пропадать, просто улетал куда-то. Ребята решили, что, наверно, он встречается с другими воронами. Однажды девочки обнаружили у него кровь на шее и на спине — видно, кто-то его крепко поклевал. Скорее всего, Чарли пришелся не ко двору другим воронам, не зря ведь говорят «белая ворона» — так решили ребята. Дикие родственники не признали в Чарли своего по крови. Ничего, он умница, сообразительный, — присмотрится и научится всему, какой должна быть настоящая ворона!

Всю осень и зиму Чарли обитал на чердаке возле трубы под крышей дома, вылетая на улицу через форточку чердачного окна. Приходя из школы и сделав уроки, девочки, как и прежде, не забывали своего друга. Кормили, играли с птицей, а Чарли почти всякий раз был рядом, когда ребята катались на санках и лыжах, лепили снеговиков, ломали сосульки. Он радостно каркал, встречая девчонок, стоило лишь позвать его по имени.

Весна пришла очень рано. Снег таял, и вода разлилась по всем окрестностям. Однако половодье продлилось недолго, талая вода стала потихоньку уходить, земля, пригреваемая солнцем, просыхала быстро. Весна с каждым днём все увереннее заявляла о себе новыми запахами, звуками оживающей природы. На завалинках, по краям канав и тропок появились желтые цветы мать-и-мачехи. Пахло набухающими почками. Уже кое-где стала пробиваться первая трава. Прилетели скворцы. Они поселились рядом, в скворечниках у соседского дома, и теперь весь день раздавались их звонкие трели. К этому добавилось неумолкающее чирикание перезимовавших воробьёв. Серые пичужки дружными стайками перелетали с дерева на дерево, с забора на забор, словно играли в салки. Опускаясь на землю, живым ожерельем они окружали мелкие лужи, в которых по очереди купались.

Чарли с большим любопытством наблюдал за происходящим вокруг. Казалось, он затосковал, ведь родился птицей вольной. Весна требует обновления, а значит, свободы. Чарли теперь подолгу отлучался со двора. Он стал взрослой птицей.

– Бабушка, ты не видала, куда Чарли опять улетел? – каждый раз спрашивали внуки бабу Аню, вернувшись из школы.

– Да не волнуйтесь, полетает по своим птичьим делам и вернётся, никуда не денется! – отмахивалась вечно занятая бабушка.

– Но его уже долго нет! Может, с ним что-то случилось? – тревожились сестрёнки.

Девочки обегали весь двор, заглянули к соседям, проверили чердак. Безрезультатно. Чарли нигде нет. Бабе Ане не до поисков – она караулит курицу-наседку, что сидит в курятнике. Надо вовремя забрать домой цыплят – они вот-вот должны вылупиться.

– Все птички весной пару себе ищут, вот и Чарли наш, наверное, себе подругу завёл! – успокаивала бабушка внучек. – Ждите, прилетят вдвоём!

Вот уже и начало апреля, рано светает. Баба Аня проснулась, когда все еще спали. Вышла на улицу за дровами и по привычке подняла голову вверх. В проёме чердачного окна на подоконнике сидел Чарли. Увидев бабушку, он слетел вниз, сел на перила крыльца и дал себя погладить.

– Ну ты гулёна! – сказала баба Аня. – Тебя с ног сбились искать твои воспитательницы, а тебе всё нипочем, как с гуся вода! Ладно, поест принесу, но ты сиди, ни с места!

Дома почти сразу услышала громкий шум, доносящийся с улицы. Тихонько приоткрыла дверь на крыльцо и замерла от удивительного

зрелища: на тополе, что рос возле калитки, сидела большая стая ворон. Они по очереди каркали, повернувшись в сторону соседней черёмухи, где, по всей видимости, сидел Чарли и тоже что-то пытался отвечать им. Вдруг с тополя на черёмуху перелетели две птицы и начали вести переговоры. Другие в это время молчали и переглядывались меж собой. Одна ворона с черёмухи вернулась на тополь, стала каркать, махать крыльями, объясняя что-то на птичьем языке своим товаркам. В момент затишья две оставшиеся птицы перелетели на тополь. И тут «запел» многоголосный хор: громко, радостно, зажигательно. С криком поднявшись на крыло, стая скрылась за домами.

Всё длилось минуты три-четыре, не более. Баба Аня ещё долго смотрела в ту сторону, куда улетели птицы. Вороны в межсезонье мигрируют, они летят к родным гнездовьям, значит, там скоро будет новая жизнь. Баба Аня догадалась, что воронёнка только что приняли в ряды соплеменников. От мысли, что она стала единственным свидетелем, как стая ворон, словно кочующий цыганский табор, подобрала их Чарли, её душа ликовала. Стая не отринула, не оставила его в одиночестве.

А что сказать внучкам? Да что-нибудь придумает...

□

Лидия Геннадьевна ШАМШЕВА

родилась в г. Кондопоге Карельской АССР.

Живет в пгт. Пяозерский Лоухского района.

Работает учителем.

Пишет стихи, прозу.

